

РУССКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Литература. Философская рефлексия

*К 200-летию со дня рождения
Ивана Сергеевича Тургенева*

**Русский человек как он есть.
Взгляд Тургенева**

С.А. Никольский

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-71-82

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Вопрос о русском человеке – его прошлом, настоящем и будущем – центральный в отечественной философии истории. К сожалению, в настоящее время в России эта область философии недостаточно развита. Отчасти причина такого положения – в непонимании исследователями той роли, которую в историософии играет отечественная классическая литература, ее философствующие авторы. Тургеневские «Записки охотника» – произведение до сих пор недооцененное, до конца не рассмотренное не только в деталях, но и в больших смыслах. И это понятно, ведь оно – первая систематическая энциклопедия русского мировоззрения, частое обращение к которой не предусмотрено жанром. В известной мере тургеневскую линию продолжали И. Гончаров (тема ума и сердца), Л. Толстой (тема живого и мертвого, природы и социума, народа и господ), Ф. Достоевский (право естественное и рациональное), А. Чехов (жизнь достойная и пошлая). Попытке выявить философскую природу «Записок», в том числе представить их структуру и богатство наполняющего их содержания, посвящена предлагаемая статья. По мнению ее автора, рассказы могут быть разделены на десять групп в соответствии с доминирующими в них смыслами. Так, в «Записках» выделяются: основные русские типы – «человека природного», рационального, покорного, хитрого, честного, чувствительного, страстного, поэтического, бездельного, страдающего, спокойно принимающего смерть, проникающегося безмерностью мира. В образе и комментариях путешествующего повествователя обнаруживается собственное философско-мировоззренческое кредо

И.С. Тургенева, им самим определяемое как умеренный либерализм – свобода мысли и действия, не наносящая ущерб другому.

Ключевые слова: философия, литература, культура, человек, природа, жизнь, смерть, ум, сердце, свобода

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры Института философии РАН.

s-nickolsky@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6987-5521>

Цитирование: Никольский С.А. (2018) Русский человек как он есть. Взгляд Тургенева // Философские науки. 2018. № 7. С. 71–82.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-71-82

The Russian People as They Are. Turgenev's View

S.A. Nickolsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-71-82

Original research paper

Summary

The question of the Russian man – his past, present and future – is the central one in the philosophy of history. Unfortunately, at present this area of philosophy is not sufficiently developed in Russia. Partly the reason for this situation is the lack of understanding by researchers of the role played by Russian classical literature and its philosophizing writers in historiography. *The Hunting Sketches*, a collection of short stories by I.S. Turgenev, is a work still undervalued, not fully considered not only in details but also in general meanings. And this is understandable because it is the first systematic encyclopedia of Russian worldview, which is not envisaged by the literary genre. To a certain extent, Turgenev's line is continued by I. Goncharov (the theme of the mind and heart), L. Tolstoy (the theme of the living and the dead, nature and society, the people and the lords), F. Dostoevsky (natural and rational rights), A. Chekhov (worthy and vulgar life). This article examines the philosophical nature of *The Hunting Sketches*, its structure and content. According to author's opinion, stories can be divided into ten groups according to their dominant meanings. Thus, in *The Hunting Sketches* the main Russian types are depicted: "natural man," rational, submissive, cunning, honest, sensitive, passionate, poetic, homeless, suffering, calmly accepting death, imbued with the immensity of the world. In the image and

the comments of the wandering protagonist, Ivan Turgenev reveals his own philosophical credo, which he defines as a moderate liberalism – freedom of thought and action, without prejudice to others.

Keywords: philosophy, literature, culture, man, nature, life, death, mind, heart, freedom.

Sergey Nickolsky – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

s-nickolsky@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6987-5521>

Citation: Nickolsky S.A. (2018) The Russian People as They Are. Turgenev's View. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 71–82.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-71-82

Введение. Зачем нужна философия литературы

Запрос философии истории о смысле человеческого бытия, о прошлом, настоящем и будущем человека с точки зрения разделяемой и культивируемой им системы ценностей не может быть в полной мере удовлетворен без обращения к свидетельствам, надеждам и прозрениям тех, кого мы именуем философствующими писателями. Это, казалось бы, достаточно очевидное явление, до сих пор глубоко не осмыслено отечественной философией, обращающейся к литературной классике лишь время от времени и по большей части обходящей ее стороной [Никольский 2018].

Центральное место И.С. Тургенева

Когда мы пытаемся составить представление о русских первой половины XIX столетия, то прежде всего по привычке обращаемся к великим именам Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Однако в этой адресации не менее, а, возможно, и более значим автор «Записок охотника» – орловский помещик и великий писатель Иван Сергеевич Тургенев.

В сороковых годах XIX столетия, сознавая свое отставание от передовых стран Европы и видя одну из главных причин этого в наличии в стране крепостного права, правительство всерьез озабочилось проблемой его отмены. Однако освобождение прежде несвободной огромной массы крестьянства – большей части населения страны, требовало понимания, что представляли собой

эти люди, как они будут жить, став свободными, а также того, чего от них следовало ждать тем, кто прежде всецело распоряжался их жизнью. Что на самом деле было в головах «самого многочисленного, самого сильного и самого крепкого из сословий»? [Тургенев 1975, 361]

Значение «Записок», впервые опубликованных в 1847–1851 годах в журнале «Современник», в русской словесности переоценить трудно. Состоит оно не только в том, что рассказы стали своеобразной энциклопедией души русского человека и России в целом. В известном смысле «Записки» явились и проектом ее будущего развития, учитывающим светлые и темные стороны российской действительности и, что особенно важно, основные, базовые особенности мировоззрения русского земледельца [Франк 1996].

Народное мировоззрение не придумка исследователей. Напротив, его описание можно отыскать у философствующих писателей, которые постоянно, осознанно или бессознательно в процессе художественного освоения действительности акцентируют на нем внимание – как свое, так и читательское.

Структура «Записок охотника» с точки зрения философии

Предложенная в статье проблема представить «Записки» как энциклопедию души русского человека и его жизни, предполагает соответствующую форму своего изложения. И таковая выстраивается. В основе каждой из статей этой энциклопедии имеется группа смыслов-тем. Группы представляют собой законченные структурные образования. Все вместе они дают законченное представление о видении русскими земледельцами – крестьянами и помещиками – мира и самих себя.

В *первую группу* входят три рассказа («Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха» и «Малиновая вода»), в которых рассказчик знакомит читателя со своим представлением о двух основных русских национальных типах: довольно редком – рационалисте и хозяйственном, деловом человеке Хоре и широко распространенном – мечтателе, охотнике и вообще «природном» человеке Калиныче. Кажется, они отличны во всем: в устройстве жизни, в потребностях и интересах, в жизненных планах и целях. Кто из них богаче? Чья жизнь полнее? В утилитарном смысле, конечно же, Хорь со своим многочисленным семейством – неустанными работниками. Но и Калиныч не бедняк. Лес, поле, река, болото –

все его владения. И он понимает их жизнь, а в чем-то и управляет ею не хуже Хоря.

Оба персонажа, открывающие галерею образов, обозначают пределы будущего характерного разнообразия. Хорь – успешный, рациональный, реально существующий персонаж, предвестник наступающего века капитала. Человек, еще до отмены крепостного права уже освободившийся благодаря своему труду. Это, безусловно, пока еще редкий, в чем-то экзотичный, хозяйственный и социальный тип. Что сообщает нам о нем автор?

Первое – он независим от сельской общины, живет в лесной глуши. На вопрос, почему живет отдельно, помещик Полутыкин дает краткий и емкий ответ: «А вот отчего: он у меня мужик умный» [Тургенев 1975, 10]. За ответом не просто указание на ум и способности Хоря, но и признание нерациональности хозяйственной жизни и общественного строя деревни. Умному человеку, желающему успеха, нельзя жить так, как это устроено в России конца 40-х годов XIX в. Хорь это понял и не только сменил барщину на оброк, но и вовсе ушел из деревни. По этой причине даже Калиныч, его друг, не признает в нем крестьянина. «Эх, да ты разве наш брат!», – восклицает он.

Впрочем, этот «уже не-мужик» – «положительный, практический, административная голова, рационалист» – знает свою меру свободы. Он не перешагивает границу разумной независимости, не стремится «откупиться вовсе», хотя денег бы у него хватило. Ведь единственное возможное для него в этом случае положение – торговля. Но купеческая жизнь, как он знает наверняка, тоже жизнь не свободная. Она таит в себе множество неизвестных земледельцу опасностей. Поэтому осторожный Хорь видит лучшим для себя и своего «государства» положение «под крылом» у «хорошего», не притесняющего его помещика.

Калиныч – чаще встречающийся крестьянский тип, что видно, в том числе, и по образному ряду «Записок». Будучи крестьянином, он по своим занятиям охотник и, как охотничья собака, везде следующий за бариним. Помещик, кстати, хотя и именуется земледельцем, также занят только охотничьими заботами. «Калиныч – добрый мужик, – сказал мне г. Полутыкин, – усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, одначе, содержать не может: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходит... Какое уж тут хозяйство, – посудите сами» [Тургенев 1975, 11].

У Калиныча «кроткий нрав» (русское словцо, которым обозначается готовность человека к подчинению, беспрекословному послушанию). Он из «идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных». Жены, которая у него когда-то была, он боялся, детей у него нет. Будучи «близок к природе», он заговаривает кровь, испуг, бешенство, «выгоняет червей», ему «даются» пчелы и только что купленные, еще не привыкшие к новому хозяину лошади.

Живет мечтой о проистекающей из сердца любви Арина (рассказ «Ермолай и мельничиха»). Вот как сообщает эту историю ее хозяин помещик Зверков: «Вот-с проезжаем мы раз через нашу деревню, лет тому будет – как бы вам сказать, не солгать, – лет пятнадцать. Смотрим, у старосты девочка, дочь, прехорошенькая; ... Жена моя и говорит мне: “Коко, – то есть, вы понимаете, она меня так называет, – возьмем эту девочку в Петербург; она мне нравится, Коко...” Я говорю: “Возьмем, с удовольствием”. Староста, разумеется, нам в ноги; он такого счастья, вы понимаете, и ожидать не мог... Ну, девочка, конечно, поплакала сдуру. Оно действительно жутко с начала: родительский дом... вообще... удивительного тут ничего нет» [Тургенев 1975, 27].

Арине определяют быть горничной барыни, но при условии не иметь детей. Однако «неблагодарная» просит разрешения выйти замуж. Меня, говорит Зверков, «надолго огорчила, обидела неблагодарность этой девушки. Что ни говорите... сердца, чувства – в этих людях не ищите! Как волка не корми, он все в лес смотрит... Вперед наука!» [Тургенев 1975, 28]. За этот проступок Арина «разжалована» в служанки, а затем и вовсе «откуплена» мельником себе в жены: она знает грамоту, а это важно для ведения хозяйственных дел.

Не тужит о своем несуразном (неразумном) бытии побирושка-собиратель Степушка, равно как и промотавшийся граф Петр Ильич («Малиновая вода»). Обо всех – как непрременный наблюдатель беспристрастно сообщает нам автор. Его фигура – еще одно свидетельство энциклопедизма «Записок», поскольку именно в такой, ориентированной на объективность жанровой форме выдержан весь текст.

Крепостная тема была известна Тургеневу не понаслышке. Он сам воспитывался в жестоком порядке, который его мать и бабушка поддерживали в родовом имении Спасское-Лутовиново. Тургенев часто видел жестокие, иногда страшные сцены. Однажды

он рассказал о поступке своей бабушки с дворовым мальчиком. «Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличом и почти неподвижно сидевшая в кресле, рассердилась однажды на казачка, который ей услуживал, за какой-то недосмотр, в порыве гнева схватила полено и ударила мальчика по голове так сильно, что он упал без чувств. Это зрелище произвело на нее неприятное впечатление; она нагнулась и приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову... и, севши на него, задушила его. Само собою разумеется, эта величественная барыня ничем за это не поплатилась» [Соловьёв 2005, 62].

Вторая группа рассказов «Записок охотника» – о том, что тонкие человеческие чувства присущи не только образованным и благородным господам, но и людям, как говорится, «простым». Способен, оказывается, русский человек на большие душевные высоты (рассказы «Уездный лекарь» и «Мой сосед Радилов»). Ведь вот как обошлась судьба с доктором Трифоном – влюбилась в него больная девушка: то ли в самом деле, то ли потому, что не хотела умирать, не испытав, что такое любовь... И доктор воспарил. Да только ненадолго: «Нашему брату, знаете ли, не след таким возвышенным чувствованиям предаваться. Наш брат думай об одном: как бы дети не пищали да жена не бранилась. Ведь я с тех пор в законный, как говорится, брак вступить успел...» [Тургенев 1975, 21].

В третьей группе рассказ «Однодворец Овсянников», в котором делается заявка на будущее подробное рассмотрение темы общей справедливости, которой должен следовать русский земледельц-помещик: «по справедливости должен человек жить и ближнему помогать обязан есть. Бывает, что и себя жалеть не должен...» [Тургенев 1975, 31]. Лука Петрович Овсянников – не бедный, но и не богатый, зато во многих отношениях добрый хозяин и человек. Он никогда не торгует хлебом – «даром божьим». У него крепкий дом, он всегда сохраняет спокойствие, верно судит, столь же верно поступает.

Несмотря на верность старым понятиям, он не думает, что раньше было лучше, чем нынче. И приводит пример из прошлого, когда помещик-сосед силой захватил участок земли, принадлежавший его семье: «...Показал рукой и говорит: “Мое владенье”», а вздумавшего сопротивляться хозяина участка – отца Луки Петровича – высек. Другой помещик Комов был известен тем, что во

время устраиваемых им гуляний всем велел веселиться. От этого несчастья овсянниковского отца спасло лишь то, что сам Комов «спасибо, умер: с голубятни в пьяном виде свалился...»

И хотя теперь времена стали получше, нынешние дворяне-помещики прилежнее хозяйствовать не стали. Конечно, многие из них «побывали на службе» и сделались более обходительны. Но «вот что удивительно: всем наукам они научились, говорят так складно, что душа умиляется, а дела-то настоящего не смыслят, даже собственной пользы не чувствуют: их же крепостной человек, приказчик, гнет их куда хочет, словно дугу» [Тургенев 1975, 62].

Доказательство – дворянское размежевание с отказом одного из помещиков от болотистого участка в четыре десятины. И что? Были рассуждения, была речь, но «отступиться» от клочка земли или, на худой конец, продать его помещик не захотел. При этом произнес заключительную речь про то, «что помещику грешно не заботиться о благосостоянии крестьян, что крестьяне от бога поручены, что, наконец, если здраво рассудить, их выгоды и наши выгоды – все едино: им хорошо – нам хорошо, им худо – нам худо... и что, следовательно, грешно и нерассудительно не соглашаться из пустяков... И пошел, и пошел... Да ведь как говорил! За душу так и забирает... Дворяне-то все носы повесили; я сам, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, в старинных книгах таких речей не бывает...» [Тургенев 1975, 63].

Понятно, что этот тургеневский пассаж и, в особенности, его речь напоминает гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями», главу «Русский помещик». В ней Гоголь советовал начинающему свое дело помещику объяснить крестьянам, что он помещик, а они крестьяне и это от бога, что работать все должны добросовестно и тогда всем будет хорошо, и что так заведено не ради презренной выгоды, а по освященному небом порядку вещей. То есть, перед нами иронически изложенная Тургеневым славянофильская проповедь. Впрочем, в реальности оказывается, что по ней в России не живет никто, тем более просвещенные дворяне. А как же живут? Старых порядков, считает Лука Петрович, не поддерживают, что хорошо. Но и новых разумных у них нет: «С мужиком, как с куклой, поступают: повертят, повертят, поломают, да и бросят. И приказчик, крепостной человек, или управитель, из немецких уроженцев, опять крестьянина в лапы заберет. И хотя бы один из молодых-то господ пример подал, показал: вот, мол, как надо распоряжаться!.. Чем же это кончится? Неужто я так и

умру и новых порядков не увижу?.. Что за притча? – Старое вымерло, а молодое не нарождается!» [Тургенев 1975, 64]

Впрочем, есть помещик из новых – Любозвонов Василий Николаевич. Носит он плисовые панталоны, сапожки с оторочкой, словно кучер и говорит крестьянам речи: «Я-де русский, говорит, и мы русские; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа и кровь тоже русская...» Да вдруг как скомандует: «А ну, детки, спойте-ка русскую, народственную песню!» У мужиков поджилки затряслись; вовсе одурели» [Тургенев 1975, 64–65]. А вот как Любозвонов «дал окорот» приказчику, притеснявшему крестьян. Позвал его «и говорит, а сам краснеет, и так, знаете, дышит скоро: “Будь справедлив у меня, не притесняй никого, слышишь?” Да с тех пор его к своей особе и не требовал! В собственной вотчине живет, словно чужой. Ну, приказчик и отдохнул; а мужики к Василью Николаичу подступиться не смеют: боятся. И ведь вот опять что удивления достойно: и кланяется им барин, и смотрит приветливо, – а животы у них от страху так и подводит» [Тургенев 1975, 65].

Четвертая группа (рассказы «Льгов», «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи») о поэтической одухотворенности русского земледельца, о часто встречающейся у русских их мечтательной природе. И, как бы возвращаясь к обозначенной в начале «Записок» теме дуальной – не только мечтательной, но и деловой – природе характера русских, следует **пятая группа** – рассказы «Бурмистр», «Контора» и «Бирюк». Лесник Бирюк – «молочный брат» Хоря – деловой, честный и справедливый. Но в отличие от вполне благополучного в хозяйственном и бытовом отношении главы многочисленного семейства он, хоть и живет также не в деревне, а в лесу, по своей должности смотрителя и защитника леса вынужденно социализирован. Честно исполняя службу, он, конечно же, ненавидим и одинок. Нет места честности в нищем крестьянстве. Живет оно на грани голодной жизни и лютой смерти. Таков трагический вывод рассказа.

Этому рассказу, в отличие от остальных, повезло в кинематографическом отношении. Его в восьмидесятые годы прошлого века на волне украинского поэтического кино экранизировал кинорежиссер Роман Балаян. Роль Бирюка сыграл большой украинский актер Михаил Голубович. В фильме, успешно «продолжившем» рассказ Тургенева (в реальности прототип Бирюка все же был убит крестьянами), режиссер

определил леснику гибель от случайного выстрела молодого дворянчика, прогуливавшегося в лесу с девушками. Не терпит российская жизнь того, что позднее будет акцентировано Тургеневым в романе «Отцы и дети», в котором тоже «белая ворона» – трудоголик и профессионал Евгений Базаров гибнет от безалаберности уездного лекаря – вполне олицетворяющего собой российскую действительность. [Никольский, Филимонов 2009]. И, напротив, в отечественном социуме благоденствуют мошенники и воры – первые два рассказа цикла – «Контора» и «Бурмистр». Впрочем, они – бурмистр и конторщик – еще не полные хозяева, а лишь доверенные помещиков. Что же настоящие хозяева?

Их природа делается предметом авторского анализа в следующих трех рассказах *шестой группы* – «Два помещика», «Лебедянь» и «Татьяна Борисовна и ее племянник». Безделье, нежелание и неумение «очеловечиваться», а также нелюбовь к хозяйствованию и сопутствующее такой жизни неизбежное мошенничество – вот что сообщает читателям о земледельцах-помещиках автор.

Но свойственны русскому человеку и высшие человеческие проявления. Обнаруживаются они подчас неожиданно – то при расставании с жизнью, а то в моменты наивысших творческих взлетов. О них – в рассказах «Смерть», «Певцы», «Петр Петрович Каратаев» и «Свидание», образующих *седьмую группу* историй сборника.

Впрочем, высокие проявления русского человека в экзистенциальные моменты его бытия редки. Намного важнее и характернее то, как человек проявляет себя в обычной, тяжелой и пошлой жизни. Можно ли противостоять ей? Ответ – в историях «Гамлет Щигровского уезда», «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова», составляющих *восьмую группу* «Записок». При этом, возможно, наиболее характерен рассказ «Гамлет». О молодом человеке, получившем образование сперва в столице, а затем и за границей, о его невостребованности в отторжении провинциальным обществом с его низменными интересами, мелкими страстишками, пошлостью.

Смерть близко соседствует с русским человеком, иногда ближе, чем природа и соседи. Она всегда неожиданна и, вместе с тем, ежечасно ожидаема. К ней, кажется, привыкли, как к части жизни и некоторые русские, в первую очередь земледельцы, относящиеся к природе как к своему дому, с ней научились ладить

как с предметом повседневного обихода. К теме смерти, начатой в одноименном рассказе, автор «Записок» возвращается в двух рассказах *девятой группы* – «Живые мощи» и «Стучит!» Первый – о парализованной женщине, которая, лежа без движения в шалаше, тем не менее, стоически переживает его и ожидает встречи с Богом. Второй – о двух моментах в путешествиях автора, когда он оказывался близок к смерти, но, видно, не судьба была в эти разы ее принять.

Заключает цикл «Записок» новелла *десятой группы* – «Лес и степь», философско-поэтическое повествование о природе, полагающей начало и конец земному бытию людей. Но она же и источник, естественное начало человеческого в человеке: «Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица, мертвые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются; воображение реет и носится, как птица, и все так ясно движется и стоит перед глазами. Сердце то вдруг задрожит и забьется, страстно бросится вперед, то безвозвратно потонет в воспоминаниях. Вся жизнь разворачивается легко и быстро, как свиток; всем своим прошедшим, всеми чувствами, силами, всею своею душою владеет человек. И ничего кругом ему не мешает – ни солнца нет, ни ветра, ни шума...» [Тургенев 1975, 348] Мысли эти походят на обрядово-заговорное действо повествователя-философа, поставившего цель сговориться с природой о ее благожелательном сосуществовании с человеком.

Заключение

Представленное в «Записках охотника» отношение к природе у русского человека – не деятельно-творческое, а приспособительно-потребительское. Отношение «соседствования» характерно для всей отечественной философствующей литературы, и у него есть и религиозное объяснение. Так, Н.А. Бердяев формулировал: «Устраивают землю и земную жизнь злые силы, отступившие от правды Христовой, добрые же силы ждут Града Грядущего, Царства Божьего» [Бердяев 2000, 68]. Ясно, что в дьявольские дела православному соваться негоже.

Вместе с тем, следует отметить, что земледелец у Тургенева (хотя и не только у него) язычески поэтизирует природу, наделяет ее душой и, подобно своему далекому предку, погруженному в пучину тотемических представлений и верований,

старается приблизить к себе, «закрывает глаза» на ее принципиальное к нему равнодушие. Частый у Тургенева персонаж поэтому и не склонен к собственно земледельческой работе, перед ним встает как бы негласное табу, наличие некоего с природой «договора», которому он неосознанно следует. Но приспособительно–пользовательское отношение к природе, так ярко зафиксированное «Записками», имеет и объяснение «от противного». Очевидно, что деятельностно-преобразовательное отношение человека к миру возможно на основе крепости того места, к которому человек по своему выбору свободно прикреплен, то есть от его дома и хозяйства, его личной свободы. И для того, чтобы личная свобода к русскому крестьянину пришла, И.С. Тургенев накануне отмены в России крепостного права написал «Записки охотника». Помогли ли они сделать реформы более человечными?

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 2000 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М.: В. Шевчук, 2000.

Никольский, Филимонов 2009 – *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Т. II. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс – Традиция, 2009.

Тургенев 1975 – *Тургенев И.С.* Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975.

Франк 1996 – *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (2000) *Russian Idea. The Fate of Russia*. Moscow: V. Shevchuk Publ. (in Russian).

Frank S.L. (1996) *Russisan Worldview*. Saint-Petersburg.: Nauka Publ. (in Russian).

Nikolsky S.A., Filimonov V.P. (2009) *Russian Worldview. Vol. II. How Is Possible a Positive Cause in Russia: A Quest for the Answer in the National Philosophy and Classical Literature of 1840s–1860s*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (in Russian).

Turgenev I.S. (1975) *Works in Twelve Volumes. Vol. 1*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura (in Russian).